

почти собрание сочинений

почти собрание сочинений

Андрей Толонский

Я был,
и второй раз меня не будет

РЕДАКЦИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П52

Серия «Почти Собрание Сочинений»

Разработка серии и дизайн *В.А. Воронина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

АВТОБИОГРАФИЯ POST FACTUM / ФРАГМЕНТЫ

---

*Из публикаций, постов в соцсетях,
«Военного дневника 2022–2025»
и личных архивов Андрея Полонского*

«...Я всегда был местным»

---

26 ноября — мой ДР, дата радостная и печальная одновременно. Радостная оттого, что мне удаётся ещё дышать этим воздухом, вкусным и тревожным, в полноте сознания и, может быть, даже сил. Печальным, так как по времени я продвинулся далеко, и неумолимо придётся двигаться дальше, к пределу. Пусть это будет пост благодарности моим родителям, любимым, друзьям, спутникам, детям — всем тем, без кого жизнь не становится (жизнью). Я благодарен Его милосердию, что не обошёл со мной по справедливости и столько раз снисходил к моим слабостям, благодарен стране и прекрасному русскому языку, на котором пишу и разговариваю, и французскому языку благодарен, на котором тоже разговариваю и как минимум читаю, а иногда и пишу, благодарен выпавшей мне на долю непростой эпохе, ставшей для меня вызовом, на который было необходимо дать ответ. И я в меру своего неразумения стараюсь дать его...

Могу сказать только, что я всегда был местным, считал себя обязанным своему месту, городам и дорогам, прорывам и провалам, соотечественникам и соотечественницам — помню историю, участвовал и участвую в настоящем и с надеждой вглядываюсь в будущее. Может быть, несмотря на всю мою шелуху и злую ерунду, это послужит мне последним оправданием.

26.11.23 г.

Немного не в себе

Стихотворец, рассказчик, публицист и просто центральной парень родился в 1958 году в Москве на беду своих интеллигентных родителей. Матушка — профессор-востоковед, отец — переводчик на французский. Крещён в детстве. Крестная была келейницей Алексия Симанского, монахиней в миру. Впрочем, о её постриге в те годы мы не знали.

Поначалу рос на углу Садового кольца и Третьей Мещанской, потом — на Бутырском хуторе. До 14 лет был человек как человек, дальше пошёл по скользкой дорожке. Впрочем, успел два года проучиться на историческом факультете МГУ, откуда был со свистом изгнан за песенку и фразочку. Имел мелкие неприятности с властями, но никогда не увлекался идеями прав человека. В брежневские времена для таких оболтусов это уже не было страшно, наоборот, воспринималось как особая честь.

До 1987 года был под советской разновидностью гласного полицейского надзора, не мог под своим именем ничего печатать, нигде особо работать и выезжать из страны. Надо признать, из страны тогда почти никто не мог выезжать, так что в этом отношении я не чувствовал ограничений. Зарабатывал на жизнь поэтическими переложениями и переводами под своим и чужими именами, а также составлением диссертаций для возбуждённых соискателей научных степеней.

Участвовал в христианско-демократическом движении, активно — в событиях 1991 и 1993 годов.

В 1991–1995 годах преподавал историю в Православной классической гимназии общества «Радонеж» в Ясеневе, разработал цикл программ по русской истории для православной гимназии, пару лет заведовал кафедрой истории в Институте православной педагогики (в те переходные годы было и такое образование). Потом до начала 2000-х преподавал в Международном университете в Москве (детстве Попова и Лужкова), после чего окончательно порвал с этой деятельностью, потому как человеку, больше десяти-

летия стоящему на учительской кафедре, начинает слишком нравиться звук собственного голоса.

В 1991 году создал с друзьями литературный альманах «Твёрдый ЗнакЪ» (1991–1996). В 2001 году участвовал в создании Общества вольных кастоправов и сетевого портала «Кастоправда» (существует по сей день). Первая книга стихов вышла из печати тогда же, в 2001-м. Издал четыре книги прозы, две из них — в соавторстве с Максимом Привезенцевым и Владимиром Рощиным — сугубо байкерские, о путешествиях по белу свету на мотоциклах. Помимо этого отдельными изданиями — несколько работ по российской истории.

Печатал стихи, прозу и эссеистику в России и за рубежом (больше тысячи публикаций — собственно, на тысяче перестал считать). Всё это переводилось, перепечатывалось и даже перетолковывалось на разных языках — английском, французском, польском, болгарском, голландском, хинди и др.

Заработал пару премий, побеждал в конкурсах и слэм-турнирах, но их масштаб и объём не позволяют говорить о них всерьёз.

С недавних пор в автомобиле держит корочки питерского Союза писателей, Русского ПЕН-центра и Всемирного общества борьбы с антидепрессантами. С 2020 года по мере сил участвовал в создании амбициозного переводческого проекта «Литера-глобус», вёл там франкоязычную редакцию.

Долго жил в Москве на Чистых прудах. Потом — в Челюскинской, на берегу леса. Потом в Крыму — в предгорьях Ялты. С 2014 года в Петербурге — между Невой, Литейным проспектом и Летним садом.

Иногда вооружён, в меру опасен. Но бывает смешон и мил, если захочет.

В ближайшие тридцать лет обещает освободить мир от своего присутствия.

2021 г.

Из разрозненных фактов и обстоятельств

Намотал автостопом расстояние, в два-три раза превышающее длину экватора.

С некоторыми пор за рулём, с радостью катает всех желающих.

Переводил классическую восточную литературу, в том числе «Кабир Грантхавали», и современных авторов — франкоязычных поэтов Магриба: алжирцев Юсефа Септи, Анну Греки, Нордина Тидафи, Джемалю Амрани, Тахара Бенжеллуна (Марокко — Франция) и др.

В позднем советском самиздате ходил его перевод базового корпуса де Сада.

Вёл литературный семинар в МУМ (Международный университет в Москве), откуда вышли как минимум три довольно известных современных автора.

Знает толк в хороших сигарах; опытный витоле, лет десять делал сигарный журнал *Nescho a mapo*.

По жизни следует заявленному парадоксу: «Правые взгляды, левое поведение».

Важные поэты: Исаак Сирин — Руми, Франсуа Вийон — Владимир Высоцкий, Гавриил Державин — Джим Моррисон, Константин Случевский — Гийом Аполлинер, Сен-Жон Перс — Николай Гумилёв, Осип Мандельштам — Поль Элюар, Ксения Некрасова — Ли Бо.

Любимые места на карте: Липин Бор — Камарг, Стамбул — Каргополь, Красноярск — Тромсё, Каир — Санкт-Петербург, Сьенфуэгос — Ялта, Тулуза — Баскунчак, Улан-Удэ — Берлин, Донецк — Луганск.

Любимое время: сейчас.

2022 г.

Не всё о моей матери

1

...Слова имеют силу продлевать жизнь, они оставляют физический след, даже если не вторгаются в иные измерения. Необходимо хотя бы одно название имён, не-забвение их. В любви это очень важно — повторение имени, что чётко поймали имябожцы, наверное, самые пронзительные (пронзающие) люди той поры, когда завязывалась вся эта история. Однако в нашем случае, применительно к эпохе, речь пойдёт о поколенческом пласте, социальной группе, где всё гораздо проще, проще, где формы более бытовые, небытийственные, как сказал бы философ, книгу которого я сейчас читаю. И всё-таки, называя имена людей, которые так много перетерпели со мной, потому что в детстве и юности я был совсем не сахар и лет после двенадцати мало принёс радости своим близким, — называя эти имена, при одном звуке которых у меня тёплая волна поднимается к горлу, я надеюсь, убеждён, что делюсь с ними частью энергии повседневной жизни. Жестоковейшей, но всегда любимой ими жизни на фоне сумасшедшего российского XX века. Пусть текст *in metoiam* и не образ бессмертия (в таком виде его не существует), но по меньшей мере — форма длительности, потому что я ещё здесь, а они уже там.

2

Главным и единственным символом, гербом нашей семьи считалась лошадь. Верней, портрет безумно красивой белой скаковой лошади, выполненной на фарфоре моей прабабушкой Маргаритой, урождённой Схолль-Энгбертс, в замужестве — Никольской. Лошадь, сколько я себя помню, всегда висела в столовой, в старинной тяжёлой раме, и как бы подтверждала некоторую отчуждённость присутствующих от разговоров о недоваренных клёцках, Сталине,

Ленине, маминой докторской диссертации, бабушкином радикулите и ценах на мясо. Она взирала на всё это из другого мира, куда мне лет до семи так хотелось бежать, вернуться, найти дорогу, но даже об этом желании никому нельзя было рассказать, поделиться: оно было предосудительно, на меня кричали.

Однако и для бабушки, и для мамы, и почему-то даже для отца, который не имел к этому делу никакого персонального отношения, лошадь считалась необыкновенно важной, центральной фигурой в доме. О ней заботились как о близком человеке, её протирали, следили, чтоб, не дай бог, не упала, при переездах транспортировали только на легковом авто, упакованную со всем возможным тщанием в одеяла и вату, и на новом месте вызывали специального мастера, хромоногого Женю с дачи, который был специалистом именно по лошади. Занавески и люстры вешал другой человек: Женя не нисходил до прозаической работы...

...Тему герба-портрета продолжала фотография, стоявшая на пианино. Три нежнейшие то ли девочки, то ли девушки прогуливаются верхом. По правую руку какие-то большие непонятные строения — потом выяснилось, то были конюшни; по левую — дорога уходит в сосновый лес.

Лошадки удивительно похожи на ту главную, с портрета. А красавицы — три дочери Маргариты Никольской.

Впереди старшая, Лидия, статная блондинка, ей пора уже мечтать о юном поручике в парадной форме или блестящем студенте-филологе Петербургского университета — всё это будет, будет, но чем обернётся? Расстрелы, самоубийства, наркотики, буддизм, профессор Отто Оттович Розенберг, одна война, потом вторая, снова самоубийства, рыдания и обязательные приговоры, которые обжалованию не подлежат.

Позади средняя, Наташа, самая нежная, домашняя и положительная, никак не готовая к долгой жизни в маленьком украинском городке с хохлом-учителем по имени Афанасий, любителем люльки и самогона. Ей придётся доить коров и коптить окорока, а после войны она пойдёт на десять лет

в лагерь за то, что служила переводчицей у немцев (пригодился, наконец, выученный в институте благородных девиц язык Шиллера и Гофмана).

И, наконец, по центру младшенькая и, как мне всегда казалось, самая шкодливая — моя бабушка Нина, которую как будто бы сейчас я вижу с «Беломором» в зубах в нашей столовой на Третьей Мещанской улице в середине 60-х годов. Она собирает тарелки со стола и напевает: «Non, rien de rien, non, je ne regrette rien, ni le bien, qu'on ma fait, ni le mal, ça m'etait bien egal...»

...Погожим летним днём 1913 года девочки совершали утренний моцион в собственном имении, где-то между Петербургом и Ревелем (мне почему-то так и не показали этого места, хотя в Таллин мы часто ездили). Их отец, гвардии полковник Николай Николаевич Никольский, накануне получил в подарок от своего тестя, Германа Схоль-Энгбертса, хороший фотоаппарат и теперь в охотку фотографировал дочерей, тем более что было воскресенье, семья недавно вернулась из церкви, и времени до обеда оставалось сколько угодно.

3

Бабушка считалась *mauvais'*шкой. Она плохо училась, не слушалась родителей, сбегала гулять с «простыми» ребятами и никак не могла освоить правильное произношение по-французски и по-немецки. До самых почтенных лет (как-то не поворачивается по отношению к ней язык сказать «старость») она больше всего на свете стыдилась этих своих ошибок в языках. Тем более практики в детстве было предостаточно: на немецком часто говорили дома, а на французском — каждый третий день в Екатерининском институте. Я прекрасно помню сценку в троллейбусе «Б». Мне лет шесть. Мы заходим в переполненный троллейбус с мамой и бабушкой, бабушка у входа, а мы с мамой — около кассы. И бабушка кричит (она всегда в общественных местах предпочитала по-французски): «Люда, ne prend pas les billets, nous sortirons vite!» И тут какой-то седовла-

сый господин её поправляет: «Pas des billets, madame, mais des tiquets. Et il faut dire, nous allons sortir. Et meme si vous allez sortir, il faut les prendre, les tiquets, si vous ne voulez pas etre avec ces gens malpropres...»

Бабушка вышла из троллейбуса красная от шеи до корней волос и очень печальная. Это был в чистом виде образ ученицы, не знавшей урока и на глазах всего класса попавшей впросак...

...Но мосье Клеман, член Политбюро Французской компартии и друг моего деда по отцовской линии, иногда бывавший у нас дома, утешал её: «Вы не расстраивайтесь, Нина Николаевна, главное — говорить, в любой ситуации, а снобы остаются снобами, шут с ними...»

...В начале 80-х годов, года за два до смерти, бабушка наговорила три кассеты воспоминаний о дореволюционном детстве и Гражданской войне. К сожалению, записи сохранить не удалось. Уже после смерти мамы отец держал плёнки в серванте возле батареи, они перекрутились и почти рассыпались...

Я хорошо помню три истории. Первая — как отец приехал навестить дочерей в Екатерининский институт. Он тогда служил в Ревеле, Маргарита и младший брат Миша жили с ним, и девочки, оторванные от дома, очень скучали. Бравый полковник привёз дочерям марципаны, такие таллинские сладости в форме всяких причудливых игрушек и зверьков. Старшей, Лиде, достались прекрасные принцы и придворные, Наташа получила мишек и белочек. А Ниночке, которой тогда было лет десять и которую часто ругали, что она, мол, хулиганка и грязнуля, отец подарил три разноцветных куска мыла. Столько одиноких девичьих слёз было пролито в спальне!..

Но потом, когда отец уехал и девочки решили помыться, выяснилось, что мыло никак не мылится. Это тоже были марципаны, причём самые вкусные и сладкие...

...Следующая история датируется уже годом шестнадцатым, когда немцы вошли в Ревель. Русские офицеры были интернированы, и моя пятнадцатилетняя бабушка (прямо как

у Цветаевой: «Кого, скажи мне, бабушка, мне взять из семьи») отправилась к немецкому коменданту, какому-то там кронпринцу, с просьбой освободить отца. Она настолько очаровала принца, что не только полковника Никольского, но и всех его сослуживцев в тот же вечер отпустили домой. А Ничочку пригласили на бал в немецкое офицерское собрание. О том, что происходило на этом балу и после него, бабушка тактично умалчивала, только улыбалась. Рассказывала лишь, что родители страшно не хотели её отпускать, однако выхода не было, нарядили и отправили с благословением.

Спустя некоторое время немецкие офицеры предложили отчаянной девушке прокатиться с ними на подводной лодке до Стокгольма и обратно. Каким-то образом это стало известно дома. Бабушку заперли, но она, создание непокорное и изобретательное, связала простыни, закрепила их на подоконнике и по простыням, как по канату, спустилась вниз. А через некоторое время уже прогуливалась по набережной шведской столицы. Как её наказали, когда она вернулась, — ни слова. Но тут, я думаю, родители себя сдержали, всё-таки их девочка была уже почти невестой...

...И третий рассказ, самый лаконичный. Путешествие в начале 19-го года на крыше вагона из Петербурга в Новороссийск, где к этому моменту оказались мама Маргарита и старшие сёстры. Можно только представить себе эту историю, благо кино и литература дают множество картинок. О том, как переходила линию фронта, как дальше двигалась к Новороссийску, — опять же молчок. Подробностей не помню. Советский страх и правила приличия заставили забыть все подробности.

Я помню, как в раннем детстве мы посещали бабушкину класс-даму, высокую статную старуху, жившую в комнатах в классическом московском центре, где-то в Обыденских переулках. Высокие окна, чудом сохранившиеся невероятные портреты царских детей, мягкий петербургский выговор, которого тепер нет и не бывает, и ровесницы моей бабушки, пять седовласых девчонок, которые так и прожили всю жизнь около Анны Николаевны Олениной, потому

что отойти на пять шагов было страшно. Как они выжили, прошли сквозь сталинскую эпоху, ума не приложу. Был маленьким, не спросил.

По сравнению с ними моя бабушка казалась просто апофеозом социальной адекватности и бытовой отваги. Они её и спрашивали о чём-то вроде: «Нина, а как там, за окном? И вправду есть воздух?»

«Есть-есть», — уверяла Нина и быстро крестилась на тяжёлую икону. Здесь, по крайней мере, она могла не скрывать, насколько страшно. За всех: за дочь, за внука, за бывшего мужа, вернувшегося из лагеря. За себя страшно, за своих папу с мамой, которые давно лежат в могиле. И ещё страшней забыть то, что было в детстве, чтоб когда-нибудь случилось так, что здесь, у Анны Николаевны, она в гостях, а там, за окном, дома.

4

Дед мой, Рафаил Соломонович Гордон, двигался к Новороссийску другой дорогой. Он родился в городе Мелитополе, в обеспеченной и многодетной еврейской семье (почти все братья и сёстры погибли в первой половине века, кто в немецких выгребных ямах и газовых камерах, кто в советских лагерях). О том, что прадед Соломон Гордон был относительно богат, в нашем доме обычно умалчивалось: в ту пору куда безопаснее было происходить от бедных. Тем более позорным считалось еврейское дореволюционное богатство. Но кое-что подразумевалось. Вряд ли человек без капитала мог обеспечить сыновьям реальное училище, да ещё с последним, восьмым классом, который давал право на поступление в университет. Вряд ли бедняк в начале XX века мог бы иметь собственный экипаж, а в 1913 году — один из первых в Тавриде автомобилей. Вряд ли он мог бы посылать детей в Петербург на театральные премьеры в обществе двух гувернёров и одного слуги...

Постепенно выяснилось, что Соломон Иоильевич был обычным фабрикантом. Владел несколькими заведениями

и банком в провинциальном Мелитополе. А вот по части еврейства семья была очень умеренной. Гейдельбергский университет подорвал религиозное чувство молодого Соломона. Он и с матерью своей, и с женой говорил только по-русски, а в синагогу ходил по самым большим праздникам — чтоб не лишиться окончательно поддержки общины. В доме читали русские романы и всякое европейское чтиво, но уж никак не Талмуд. Понятно, что мальчикам сделали обрезание, но больше никаких чудес. В дедовском гимназическом аттестате сплошные «отлично», в том числе и по Закону Божьему в исполнении местного лютеранского пастера. Хотя никаких воспоминаний о крещении или чём-то подобном не было и в помине...

Юные Гордоны, как большая часть образованной еврейской молодёжи тех лет, выросли в «освободительных» мечтах и «демократических» идеалах. Старший, Абрам, выписывал эсеровскую «Волю народа», младший, Рафаил, меньшевистский «Луч». Всё это вышло братьям боком в конце 20-х годов. Абрам в лагерях так и сгинул. А дед сел по процессу меньшевиков и провёл три с половиной года в политизоляторе. Все объяснения, что он был-де робкий гимназист, никогда не вступал в социал-демократическую партию и выписывал оппозиционную прессу из чистого любопытства, не возымели никакого действия. Напротив. Следователь прикрикнул, что, мол, ещё хуже, если у него не было глубоких революционных убеждений. Что можно, мол, отсидеть за меньшевиков, но он теперь должен посадить его как монархиста...

Монархистом, понятно, Рафаил Соломонович ни в коей мере себя не считал и счёл за благоразумие промолчать. В те годы куда уместней было признаться: да, выписывал из Киева меньшевиков, да, читал Дана, Пешехонова и Плеханова...

...Политизолятор в конце 20-х годов произвёл на дедушку самое серьёзное впечатление. Характеры и образы явились ему внове и могли вызывать уважение. Эти, в отличие от зэков последующих призывов, не выгораживали себя,